

МОНТЕНЬ (Montaigne) Мишель Эйкем де (1533—1592) — французский мыслитель, юрист, политик. Из купеческой семьи; родовое имя — Эйкем. Первый в семье носитель дворянского имени (по названию приобретенной в 15 в. прадедом М. сеньории Монтень).

Изучал философию в Гийеньском коллеже и университете города Бордо. Продолжил обучение в Тулузском университете. Член парламента Бордо (с 1557). Дважды становился мэром Бордо. Интеллектуально сформировался под воздействием идей стоицизма и скептицизма. Основные сочинения: «Опыты» (в трех книгах — первая редакция издана в 1580, окончательная — в 1588); «Путевой журнал» (написан в жанре индивидуального дневника в 1580—1581, издан в конце 18 в.) и др. В 1676 «Опыты» М. были внесены Ватиканом в «Индекс запрещенных книг».

Не стремясь к созданию собственной философской системы, выступил основоположником жанра философско-морализаторского эссе в европейской культуре. Был общеизвестен как глубокий знаток и тонкий интерпретатор классической традиции: в «Опытах» М. было содержательно использовано более 3000 цитат античных и средневековых авторов.

Целью творчества М. было написание своеобразного «учебника жизни»: по М., «нет ничего более прекрасного и оправданного, чем хорошо и честно исполнить роль человека». Предметом большинства эссе М. являлось поведение человека в экстремальных ситуациях, раскрывающее как самые причудливые движения его души, так и самые разнообразные патологии его характера (с точки зрения М., «истинное зеркало нашей речи — это течение нашей жизни»). М. сумел осуществить значимый поворот в системе ценностей западноевропейского интеллектуализма: «хорошо заполненной голове» (Рабле) М. акцентированно предпочитал «правильно выработанный разум», воспитываемый на исторической эрудиции, склонности к парадоксам и двусмысленностям. Основания миропонимания М. были изложены им, в частности, в эссе «Апология Раймона Себона». Согласно М., природа человека двойственна: зачастую необузданные духовные устремления нейтрализуются физическими возможностями его тела. Осмысление и принятие этого как неизбежной данности позволяет людям ориентироваться на идеал подлинно счастливой жизни — жизни в умеренности. Органы чувств человека — несовершенны («кто знает, не лишены ли мы одного, двух, трех или нескольких чувств?»), способности нашего познания ограничены — лишь один Бог, согласно М., всеведущ. Неспособность людей четко определиться в выборе между «Я знаю» и «Я не знаю» — естественно трансформируется, по мнению М., в единственно правильно поставленный вопрос: «А что именно я знаю?», предполагающий воздержание от суждений, подлежащих дальнейшему рассмотрению.

С точки зрения М., «...если хочешь излечиться от невежества, надо в нем признаться... В начале всяческой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом — незнание». Гносеологический скептицизм М. фундировался также на его мысли о том, что все живое (в том числе и люди) находится в постоянном изменении: существование человека неизбежно состоит из «движения и деятельности». При этом М. полагал долгом любого индивида стремиться к самосовершенствованию, рассматривая самопознание как первейшую обязанность человека.

Как полагал М., «человек может быть лишь тем, кто он есть; он способен выдумывать лишь в меру собственного опыта; какие бы усилия он не предпринимал, ему будет известна лишь собственная душа». Одоление людского невежества, по М., жизненно важно, ибо «люди ничему не верят так твердо, как тому, о чем они меньше всего знают», а «...не достигнув желаемого, они делают вид, будто желали достигнутого». («Об истине же, — утверждал М., — нельзя судить на основании чужого свидетельства или полагаясь на авторитет другого человека») Убежденность М. в идеях свободы и сословного равенства людей явила собой перспективнейшую компоненту эволюции идеала человеческого достоинства в рамках европейского менталитета: фраза М. «души императоров и сапожников скроены на один манер» использовалась как эпиграф

«Газеты санюлотов» в 1792. По мнению М., «вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся в конечном итоге к тому, чтобы научить нас не бояться смерти... Предвкушение смерти есть предвкушение свободы. Кто научился умирать, тот разучился рабски служить». «Опыты» М. явили собой творческую процедуру метафорического соединения мира настоящего и мира прошлого с одновременным новаторским экспериментом бессюжетного художественного «беспорядка». (По замечанию Аверинцева, «будучи в значительной степени платоническим по типу своего вдохновения, Ренессанс, в общем, избегал формализованного порядка.

Темы «Опытов» Монтеня по своей широте могут показаться своего рода разрозненной энциклопедией; нельзя, однако, зная Монтеня, вообразить, чтобы он пожелал увидеть разрозненное собраным. Так вот, если проводить классификацию по вышеназванному признаку, энциклопедисты, видевшие в том же Монтене своего предшественника, довольно неожиданно оказываются вовсе не в его обществе, но в обществе ненавистных им создателей средневековых схоластических сводов, какими были, например, Винцент из Бове, автор «Великого зеркала», или Фома Аквинский с обеими своими «Суммами». Они оказались, видимо, первым в христианской Европе светским прецедентом создания высокоэвристичного ризоморфного (см. Ризома) гипертекста — в силу глубинной укорененности в сопряженной культурной традиции используемой М. символики наряду с узнаваемостью в интеллектуальных кругах личностного ряда ассоциаций. Мысль М. о том, что «эта

книга создана мной в той же мере, в какой я создан ею" (см. Автор), была подхвачена Вольтером: "Прекрасен замысел Монтеня наивным образом обрисовать самого себя, ибо он в итоге изобразил человека вообще". Известна увлеченность текстом "Опытов" М. многих лучших представителей европейской культуры и просвещения: у Шекспира обнаружено более 700 фрагментов из этого сочинения; навсегда покидая Ясную Поляну, Л.Н. Толстой взял с собой томик М.; увлекались М. Г

.Флобер, А.С.Пушкин и мн. др. Одной из "вечных истин" европейской культуры стала мысль М., предвосхитившая заключительные строки эпопеи "В поисках утраченного времени" М.Пруста: "И что толку становиться на ходули, ведь и на ходулях нам придется идти своими ногами. И на возвышеннейшем из тронов мира мы будем восседать на собственном сиделище, и ни на чем другом".

А.А. Грицанов, А.М. Бобр